

А 243/2
Рос 4-3
1-245

ВОЛЯ РОССИИ

Журнал политик и культуры
1929

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

V-VI

ПРАГА

1929

он

VOLIA ROSSII — REVUE MENSUELLE

403
Рос 7.245

ВОЛЯ РОССИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. И. ЛЕБЕДЕВА,
М. Л. СЛОНИМА,
Е. А. СТАЛИНСКОГО,
В. В. СУХОМЛИНА**

8-ой ГОД ИЗДАНИЯ

**V-VI
МАЙ-ИЮНЬ**

47-1049

**ПРАГА
1 9 2 9**

Среди книг и журналов

Обзор журналов

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБМЕЛЕНИЕ. — «КЛОП» МАЯКОВСКОГО. — «МЕХАНИЧЕСКИЙ РАЙ» ИЛИ ПАРОДИЯ? — БОРЬБА С МЕЩАНИНОМ. — ПЬЕСА ЛЕОНОВА. — ПЕССИМИЗМ ВС. ИВАНОВА. — СОЦИАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ. — «БОСАЯ ПРАВДА».

«Литературная продукция», как любят выражаться советские критики, в текущем году являет весьма унылый вид. Журналы серы и скучны, новинки книжного рынка ни к чему иному, кроме рынка не имеют отношения. Порою кто либо из присяжных критиков, от безделья, начнет восторгаться каким нибудь посредственным романом, в роде Богдановской «Первой девушки», да по строго заведенному обычаю коммунистические художественные распорядители возведут Никифорова, Кина или иного какого пролетарского писателя прямо в литературные князи. Но помимо этих искусственных парадов, нет никаких «событий». Немудрено, что при таком обмелении, даже «Клоп» Маяковского привел в восторг и волнение Когана, Брика, Авербаха и иных.

Еще недавно велся спор, исчерпал ли себя Маяковский или же от него можно ждать новых «достижений». Новая пьеса очевидно должна дать ответ на этот вопрос. Она написана в том же духе, что и «Мистерия Буфф», но отличается от последней более обнаженным общественным содержанием, большей резкостью сатиры и шаржа. В первых действиях изображен коммунист Присыпкин, изменивший свою фамилию на более благозвучную Пьер Скрипкин. Он играет на гитаре, гордится своим «древним незапятнанным пролетарским происхождением» и мечтает о «продолжении рода». «Мои будущие потомственные дети должны воспитываться в изящном духе». Он обожает Надсона и Жарова, собирается жениться на маникюрше Эльзевире Ренессанс и обучается хорошим манерам у «бывшего дворянина» и ныне прихлебателя Баяна. Баян учит его фокстротту: «ответствен-

нейший шаг в жизни — первый фокстротт после бракосочетания. Пройдитесь с воображаемой дамой. Да не шевелите «вы нижним бюстом».

На красной свадьбе ждут секретаря завкома Лассальченко. Присыпкин «объявляет свадьбу открытой». Все дико пьют, но мир нарушает мрачный шафер, всюду видящий подвох. Он накидывается на Баяна, играющего на рояли: «ты что же это на одной черной кости играешь? Для пролетариата значит на половину, а для буржуазии на всех?». В драке на невесту опрокидывают газовую печку, вспыхивает пожар, и вскоре пожарным удается извлечь лишь несколько трупов из под развалин обрушившегося дома.

Через пятьдесят лет, при раскопках, в ледяной глыбе находят Присыпкина. За это время человечество пошло так далеко, что не знает ни пьянства, ни мещанства, ни паразитов. После голосования, проведенного механическим способом, при помощи поднятия железных рук в центральной палате голосования, решено воскресить замороженного человека.

Когда Скрипкин оживает, вместе с ним оживает и клоп, ползущий у него по воротнику. За клопом организуется погоня, его водворяют в зоологический сад, равно как и Скрипкина, кажущегося рационализированным и избавившимся от всех грехов прошлого, людям каким то диковинным животным. Его показывают толпе, а Скрипкин радостно кричит при виде глазевших на него обывателей механического рая: «граждане, братцы, свои, родные! Откуда? Сколько вас?».

Присыпкин такой же паразит, как и клоп. Он клоп на теле человечества. И он мещанин в коммунизме, как некогда был во дворянстве его мольеровский предок. Маяковский очень искусно дал шарж на то мещанство, которое разлито по всей русской жизни под флагом коммунизма. Особенно хорошо начало пьесы, изображающее вход в универсальный советский магазин, у которого разносчики выхваляют свой товар, применяя большевицкую фразеологию: «германский небьющийся точильный камень, 30 копеек любой брусок, точит в любом направлении и вкусе бритвы, ножи и языки для дискуссий». «А вот лучшие республиканские селедки, — незаменимы к блинам и водке».

Шутки Маяковского попрежнему грубы и резки, но «Клоп» построен, как шарж, достигающий порою чисто фарсовых положений. Во всяком случае, если и нельзя его сравнивать с «Ревизором», как это сделал Мейерхольд, то все же надо признать, что это удачная сатирическая комедия. Слабее всего ее вторая часть. Воскресение Присыпкина происходит в будущем социалистическом обществе, в котором о рукопожатии говорят, как «о древнем антисанитарном обычае», а любовь называют умопомешательством. Ничего иного, кроме сухого механического образа грядущего. Маяковский придумать не мог. Почему это социализм, а не американизм, остается тайной для читателя. Не приходится и говорить, до чего неправдоподобно коренное пере-

рождение человечества за такой краткий срок, как пятьдесят лет. Впрочем, ведь в этом то и заключается одна из ошибок грубо большевицкого мышления: вера в то, будто достаточно изменить социальный строй для того, чтобы в ускоренном порядке создать нового человека, новую психологическую породу. Маяковский только отражает и эту коммунистическую идеологию и то отсутствие «духовности», которое отличает и губит его самого. Он ведь и в «мистерии Буфф» грядущий социальный рай изображал в виде сада, с деревьев которого падают печеные булочки и жареные гуси.

Любопытно, что в этом отношении Маяковский не удовлетворяет не только нас, людей, чуждых ему по своему миросозерцанию, но и тех, кто казалось бы должен был разделять его взгляды. В том же самом журнале «Молодая Гвардия», где была напечатана пьеса Маяковского (идущая сейчас с успехом у Мейерхольда), имеется отчет о вечере в ленинградском клубе имени Октябрьской революции, в котором разбирались «Клоп». Вот несколько отрывков из речей комсомольцев: «вульгарно и неправильно, что при коммунизме все будет стрижено под одну гребенку, будто все будет механизировано и даже музыки не будет». «Общество социализма скучновато, Маяковский показал слишком механического человека, социалистический человек показан таким же обывателем. Он привычно откусывает мандарины и ничего не делает. Неверно, что за 50 лет можно перевернуть такую штуку, как земной шар». «Маяковский дал социализм в представлении мелкого буржуа». Впрочем, возможно, что вторую часть «Клопа» Маяковский хотел дать пародийно. Недаром Скрипкин видит родных братьев в механизированных обывателях коммунистического рая. Но тогда пьеса бьет и по мещанству и по большевизму.

Эта тема вообще преобладает в произведениях последнего времени. Мещанству и обывательскому болоту посвящена и пьеса Леонова «Усмирение Бададошкина» («Красная Новь», кн. 3). В ней изображены прямые потомки персонажей Островского, пытающиеся приспособиться к современной действительности, но втайне мечтающие о реставрации и поддающиеся на всякую удочку ловких авантюристов, которые выдают себя за бывших князей и будущих вершителей судьбы в случае возврата старины. Психологический узел драмы в том, что Бададошкина обманывает, разоряет и уводит от него молодую жену его собственный сын Никита, прикидывающийся дурачком, чтобы скрыть от отца ростовщика свою волчью натуру. Может быть Леонов и хотел показать, что в сущности мало изменений произошло в купеческой среде за последние годы, но драма его звучит неубедительно и не принадлежит к числу лучших его произведений, хотя и в ней мелькают отдельные сцены, полные блеска и яркости.

— О жизни маленького обывателя повествует **Сергеев - Ценский** («Красная Новь», кн. 3) в рассказе с ироническим заглавием «Блистательная жизнь». Он посвящен страховому служащему Миرونу Мироновичу, безулыбчивому, мрачному человеку, настолько предусмотрительному, что он расширил корридор у себя в домике — «на предмет свободного вынесения проба после собственной смерти», но не сумевшего выдержать экзамена на чин в виду неудачного ответа на вопрос о треугольниках: «треугольники бывают трехугольные, четырехугольные, пятиугольные, шестиугольные и многоугольные вообще». Его существование разбито революцией и он принужден оставить домик, где все приуготовлено для жизни и смерти. Но Мирон Миронович не пропадет. Он выплывет и при «советском строительстве».

В. Лидин в рассказе «Выстрел» («Красная Новь», кн. 3), где нет ни героев, ни психологии, а попросту передан факт, описывает, как в провинциальном городке затравили коммуниста Завержеева, и он убил одного из своих обидчиков. «Я не помню, чтобы я целился в Вуйовича или даже в его направлении... я стрелял очевидно в то страшное рыло, в ту пасть провинции, обывательщины, хамства и низости, которая меня преследовала».

Подавленное настроение тяготеет и над новым рассказом **Вс. Иванова**, так далеко отошедшего от своего первоначального органического оптимизма. «Михаил — Серебряная дверь» — такая же ущербная повесть, как и все последние произведения Иванова, но только быть может именно в ней нынешнее настроение писателя и выражено с наибольшей законченностью.

В безводной пустыне, в атмосфере безнадежности и тоски, встречаются туркмены с преследующими их красными войсками. Начальник туркмен Михаил, русский, а во главе красных его бывшие приятели: секретарь комъячейки Антон Антонович и командир полка Поляков. И Михаил, и туркмены хотят во что бы то ни стало овладеть конем Полякова «Серебряной дверью», присланным из конюшен эмира бухарского. Неудача преследует обе стороны: «получалась ерунда, как из всего, что предпринималось во время этого странного похода». Но вот враги сошлись в бою. «С 1917 года командир Поляков вступил в партию, т. е. дал согласие совершать все, что полезно и необходимо людям для того, чтобы они жили лучше. И вот прошло пять лет, а из его стремлений ничего не получается, и его жизнь заканчивается тем, что вот он мчится на коне из конюшен бухарского эмира, мчится по пустыне». Михаил одним ударом срубает ему голову и хватает его коня. Тогда Антон Антонович скачет на выручку и мечтает о подвиге: «а на самом деле голова Антона Антоновича Оглобицкого давно уже была отрублена от плеч и лежала в полосатом, синем с красным, мешке туркмена бай Михаила рядом с головой командира С. Е. Полякова, и усы их и теплые еще их рты изредка со-

прикасались, а конь «Серебряная дверь» вырвался из рук туркмена, а сам храбрый туркмен бай Михаил давно в песчаной буре сбился с тропы и со страхом и воплями мечется среди песчаных холмов».

Все ни к чему, все кончается в пустыне, песок и буря оведают героев Иванова, и равно бессмысленны усилия Михаила и партийца Полякова, а конь, за которого они боролись, без хозяев мчится по просторам безлюдной степи.

Стихи журналов и скучные, и смешны. До чего надо дойти, чтобы писать, например, поэмы в стиле **В. Кириллова**, о котором советские критики, с легкой руки Полянского, задают глубокомысленные вопросы: погиб Кириллов для пролетариата или нет. Очевидно ответом служат стихи Кириллова в третьей книжке «Нового Мира»:

Критик умный и речистый
А стреляешь, друг мой, в небо:
Никогда, поверь, я не был
В этой жизни пессимистом.
Строчки острые смакуя,
Ты меня хоронишь рано,
Если б знал ты, как люблю я
Землю, кровь ее и раны.

Здесь явное преувеличение: строк Кириллова никак смаковать нельзя, да и хоронить его рано: для поэзии он еще и не родился.

Но до чего типично это самооправдание в стихах, напоминающих гражданские стихотворения 1905 года в какойнибудь провинциальной газетенке, и эта боязнь, чтоб не заподозрили в смертном грехе, в пессимизме: теперь ведь всем приказано — «ходи весело» — и молодецкое благополучие дум и чувств стало символом политической благонадежности.

В третьей книжке «Красной Нови» **В. Полянский** опять заявляет, что этот оптимизм свойственен рабочему классу, и что нынешний пролетарский писатель должен его отражать в своих произведениях, потому что «мы от него требуем максимальной коммунистической чистоты, не запачканной мещанством, мелкобуржуазными и социал-демократическими влияниями». Полянский склонен только на самые скромные уступки: «лучше, конечно, когда писатель — член компартии, но это все же не обязательно».

Полянский довольно либерален: другие его товарищи и этого не скажут. Сейчас, в атмосфере все усиливающегося коммунистического нажима на литературу можно ожидать в ближайшем будущем провозглашения приемлемости только писателей — членов партии. Быть

может все споры о социальном заказе и все тревоги надзирателей над литературой вызваны именно тем обстоятельством, что литература, и не только в лице полутчиков, но и в лице пролетарских писателей и близких к ним, все более и более ускользает из под влияния коммунистической идеологии. Характерно, что журналы то и дело получают окрики со стороны начальства за допущенные оплошности. Известно, что сделан строжайший выговор редакции центрального органа комсомола «Молодая Гвардия» за то, что в пятом номере журнала поместила очерк Артема Веселого «Босая правда», который сам автор называет «полурассказом». В ней изображена судьба бывших красных партизан и бойцов, ныне страдающих не только от бюрократизма, но и от преследований односельчан и станичников. Заканчивается рассказ следующими словами: «голоса наши когда то гремели на кровавых полях, а нонче они робко звучат в стенах канцелярий. Нас, защитников и завоевателей, восхваляют и призывают только по большим праздникам, да когда в нос колет — во время проведения какойнибудь кампании, а потом опять отсовывают в темный угол. Закомиссарились, прохвосты, опьянели властью, Ежели таковые и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит». Очевидно в словах Артема Веселого «закомиссарившиеся» почувяли какуюто неприятную для себя правду: иначе не воспользовались бы они своей властью для грозных внушений «Молодой Гвардии».

М. Сл.